

Социологическое наследие

©1991г.

В.И. ШАМШУРИН

УЧЕНИЕ Э. БЕРКА О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ. ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

ШАМШУРИН Виктор Иванович — кандидат философских наук, редактор отдела журнала «Социологические исследования».

«От чьего бы имени не осуществлялась политическая власть, она не должна быть безграничной»

Б. Констан [1]

«Можно с полным правом сказать, что расположение, обнаруживаемое к абсолютному правительству, находится в точном соответствии с презрением, испытываемым к родной стране»

А. Токвиль [2]

Предварительное рассуждение о пользе консерватизма и его отличиях от мракобесия

Философия всегда занималась вечными проблемами человека, т.е. вопросами его происхождения, смысла существования и предназначения. В этом смысле философы всегда проясняют истины прошлого, понимаемые как неизбывные и нерешенные, и потому — глубоко современные каждому социально-историческому периоду человеческого существования, а гуманистическая философия всегда защищает, сохраняет, «консервирует» духовное наследие, передающееся от поколения к поколению. Поэтому философия всегда консервативна, но это не значит, что она ретроградна. Смещение этих понятий вызывает не только терминологическую путаницу, но многие идейно-содержательные просчеты и в индивидуальной, и в общественной жизни.

От того, насколько полно, своеобразно и плодотворно решаются вечные проблемы, зависит, является эпоха творческой, склонной к обновлению, или застойной, склонной к безвременью. В последнем случае преобладает эпигонство, безинициативное следование букве текстов, а не идеям того или иного авторитета в их развитии. Преобладает сознательный отказ от авторства, некритическое, формальное, без учета специфики исторического момента отношение представителей эпохи к духовным ценностям.

Эти предварительные разъяснения необходимы для более полного и адекватного анализа того, что сейчас происходит на Западе в неоконсерватизме — противоречивом,

многосоставном, подчас даже аморфном идеологическом течении. Да и не только на Западе, но и в нашей стране.

Консерватизм — не только чрезвычайно распространенная во всем мире социально-идеологическая партийная платформа, практика в политике и экономике, феномен массового сознания. Вместе с тем, консерватизм — определенная познавательная теоретическая установка по отношению ко всему ценному в идейном наследии и творчеству нового знания.

Между тем часто не различаются два значения понятия «консерватизм»: с одной стороны, сохранение и поддержание накопленного в прошлом и настоящем самого ценного для человека материального и духовного достояния, спасение его от гибели во времени; с другой — своеобразная апологетика стремлений отдельных социальных групп, классов к сохранению привилегий, преимущественного права на самый высокий уровень жизни и отстранению от этого широких народных масс. Консервативная позиция в первом значении представляется не менее важной в духовном развитии человека, чем стремление к продвижению во всех сферах жизни, дальнейшему ее совершенствованию, получению новых знаний. Второе значение, на мой взгляд, совершенно неприемлемо. Как, впрочем, неприемлема и подмена первого значения вторым, что весьма распространено в неоконсерватизме.

Один из лучших, пожалуй, самый лучший в России исследователь идей консерватизма в истории социально-политической мысли, философ С.Л. Франк именно это и имел, наверное, в виду, когда писал: «Роковой конец связал идею консерватизма, задачу охраны священных заветов национальной русской культуры с нигилистическим деспотизмом и насильничеством. Совершенно также роковая судьба русского «освободительного движения» состояла в том, что исторически назревшая и, по существу, правомерная потребность русского общества и народа в духовной самостоятельности слились в ней с бунтарской стихией нигилизма» [3]. Особенно четко эта мысль изложена в программной статье Франка, написанной для сборника «Из глубины»: «Русский консерватизм, который официально опирался и отвлеченно мечтал опираться на определенную религиозную веру и национально-политическую идеологию, обессилел и обесплодил себя своим фактическим неверием в живую силу духовного творчества и недоверием к ней»¹.

Эгоистический, корпоративный интерес² не может быть общечеловеческой ценностью. У консерваторов же (лучше сказать, «корпораторов») преобладает установка на конфликт, а не на творчество; точнее — на конфликт с новым для сохранения старого, или наоборот, Это, как ни парадоксально, не принципиально (различие здесь, согласно консерваторам, условно). Главной целью становится средство, а борьба за благо человека и самодостаточность его жизни — всесторонней и гармоничной — выступает как борьба за догму (безразлично — старую или новую) и грозит уничтожить все живое. У подобной концепции «смерти во спасение» немало сторонников. Однако реальные не только конфликты, особенно между социально-политическими силами и системами в современном мире. Все более реальной в последнее время становится вероятность всеобщего уничтожения (ядерного, экологического, социально-культурного и т.д.). И с этой возможностью сторонникам «реализма» в консерватизме все более приходится считаться. Насколько глубоко осознают эти новые реальности неоконсерваторы, покажет будущее.

Таким образом, прояснение идейных истоков консерватизма актуально и с точки зрения анализа современных социально-идеологических доктрин и процессов, и с точки зрения общественной жизни разных стран. Ведь любая страна мирового сообщества сталкивается с необходимостью ясного отношения к старому и новому, к неизменным принципам государственной и культурной самобытности, необходимым переменам, к взаимным уступкам во взаимозависимом и динамичном мире.

¹ О взглядах С.Л. Франка см. также [4].

² О современном западном консерватизме с точки зрения корпоратизма см. [5].

Отец-основатель консерватизма Э. Берк и его современные последователи

Общетеоретическая установка консерватизма заключается в его обращенности к прошлому, в исторической направленности: все истинные ценности уже давным-давно выражены, а истинное знание построено на авторитете.

В данной статье проводится реконструкция «понятийного строения» неоконсерватизма³, его учения о конкретном познании личности — социально и духовно свободной, укорененной в истории с помощью политики. Основой для анализа послужат взгляды видного английского публициста, политического деятеля, одного из лидеров вигов (и в то же время противника проповедуемой ими идеи прогресса), философа, социального мыслителя, автора памфлетов против Великой французской революции — Эдмунда Берка (1729—1797).

Почему Берк? Именно он дал наиболее ясный и всесторонний анализ различных подходов к изучению человека в рамках консерватизма: и социально-политического, и нравственного, и экономического, и познавательного. Именно поэтому рассмотрение истинного значения учения о человеке в консерватизме (в данном случае, в творческом наследии Э. Берка) столь важно для оценки новейших идеологических течений.

Э. Берк — несомненный авторитет в консерватизме как определенной идеологии⁴ в прошлом, а в последнее время в самых разных зарубежных социально-политических, философских, экономических, историко-культурных и т.п. исследованиях [7; 8]. «Отцом-основателем» консерватизма Берк назван и в капитальнейшем издании — антологии в 4-х томах «Мудрость консерватизма» [9]. Так же называют его Б. Пайнс (вице-президент научно-исследовательского центра консерватизма «Фонд наследия») [10] и один из ведущих современных английских консерваторов, философ-аналитик Р. Скратон [11]. Идейное содержание взглядов Берка нашло отражение и в прошлом, и в настоящем как в трудах теоретиков (Т.С. Элиот, Р. Кирк, М. Оэкишотт, Э. Фогелин и др.), в деятельности политиков (В. Бисмарк, Б. Дизраэли, У. Черчилль, Ш. де Голль и др.), так и в конкретной социально-экономической сфере. В той же «Мудрости консерватизма» [9], например, представлены выдержки из сочинений нескольких десятков авторов (теоретиков и политиков), в разные периоды рассматривавших социальные институты как результат непрерывной исторической традиции, идущей от прошлого и устремленной в будущее — включая Р. Рейгана и его последователей.

Почему же именно Берка единодушно признают авторитетом в консерватизме? Да потому, что именно Берк сформулировал главный принцип этого учения: все люди имеют равные права, но не одни и те же блага. «Эта теория справедливости лежит в основе американской и британской конституций и обуславливает порядок во многих других странах» [9, p. 1084].

Взглядами Берка на человека и общество подкрепляют и освещают в консерватизме фундаментальные идейно-политические положения, часто взаимопротиворечивые. С их помощью пытаются придать этой идеологии логическую стройность, завершенность и, как следствие — обосновать проводимый политический курс [12—13]. Это накладывает определенный отпечаток на изложение учения Э. Берка. Авторы (в том числе и современные) сознают вторичность собственной позиции и относятся к его текстам как к авторитету. Но при этом зачастую, как справедливо отмечает американский исследователь П. Янг, приписывают довольно странные взгляды Берку. По их мнению, Берк выводил власть от бога и осуждал либералов, коммунистов и анархистов, которые связывали ее, соот-

³ По мнению Р. Нисбета — наиболее последовательного теоретика-интеллектуала неоконсерватизма (практиков неизмеримо больше), «неоконсерватизм — одна из трех (наряду с либерализмом и социализмом) основных идеологий Запада за последние два столетия» [6].

⁴ Понятие «консерватизм» вводится в обиход политической жизни примерно в 1830 г. в Англии. Сам же термин впервые употреблен Ф.Р. де Шатобрианом. Однако философское обоснование консерватизма фактически проводится Берком в его книге «Размышления о революции во Франции». «Редко, когда еще в истории мысли идейная целостность учения я такой степени зависела от творчества одного человека, а сам современный консерватизм — от Эдмунда Берка и его активного неприятия французской революции» [6, p. 1].

ветственно, с правительством или индивидом [14, p. 61]. П. Стейнфельс пишет совершенно определенно: «Я верю, что неоконсерватизм — это серьезный и умный консерватизм, а его-то Америке и недостает» [Цит. по: 15, p. 146].

Концепция Берка как раз и являет собой пример умного консерватизма, этим он интересен и актуален. Не все главные положения Берка прояснены и нашли свое развитие в неоконсерватизме. Прежде всего это касается гуманистического пафоса его учения, нравственного обоснования абсолютной самоценности человеческой жизни. Но это проблемы и упущения самого неоконсерватизма. Для истории же мысли ничто ценное не потеряно.

К. Маркс, часто цитировавший Берка, писал: «Берк... слывет у всех партий Англии образцом английского государственного деятеля...» [16, с. 609]. Особо Маркс отмечает, как Берк заклеил затхлую и отвратительную атмосферу, создаваемую бюрократией. Он приводит следующие слова Берка: «Это порода пошлых политиканов — настоящие подонки рода человеческого. Правительственная работа вырождается в их руках в самое низменное, механическое ремесло. Добродетель не в их нравах. Они выходят из себя от всякого поступка, продиктованного только совестью и честью. Широкие, либеральные, дальновидные взгляды на интересы государства они считают романтикой, а соответствующие этим взглядам принципы — бредом расстроенного воображения. Расчеты калькуляторов лишают их способности мыслить. Насмешки шутов и фигляров заставляют их стыдиться всего великого и возвышенного. Убожество в целях и средствах представляется им здравомыслием и трезвостью» [17, с. 190—191].

В целом же отношение Маркса к Берку двойственное. Маркс называл его «известным софистом и сикофантом», «гнусным политическим лицемером». «Этот сикофант, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, находясь на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала по отношению к английской олигархии; в действительности же он был самым ординарным буржуа: "Законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога". Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке!» [18, с. 770]. И это о человеке, который 30 лет находился в оппозиции официальному режиму Георга III! Однако меня интересует совсем другое: почему Берк «разыгрывал роль» и действительно ли он «продавался»? Ответить на эти вопросы можно в том случае, если рассмотреть главные положения социального учения Э. Берка о человеке. Об этом и пойдет речь дальше.

Политика как основательное и проникновенное конкретно-личное (социально-культурное), а не абстрактное познание человека

При поверхностном рассмотрении философского творчества Э. Берка можно составить мнение о его несистематичном и даже случайном характере. Казалось бы, все свое внимание Берк уделял современной ему политической полемике по самым прозаическим социально-экономическим проблемам — будь то налоговая политика в американских колониях в Англии, борьба с коррупцией или наказание недобросовестного чиновника в Индии. Выражал он свои взгляды от случая к случаю в форме речей, писем, эссе, памфлетов и т.д. Тем не менее, думаю, что в его наследии можно и должно выделить «свод», «костяк» определенных установок по проблеме человека.

Берк, действительно, «несистематический» философ. Но значит ли это, что его взгляды на проблему человека — по сути, дело всей его жизни — не могут быть представлены в стройном и целостном виде? Нет, конечно. Эта «несистематичность» имеет решающее значение для учения в целом. Она вызвана прежде всего органической неприязнью Берка ко всякого рода «строгим», абстрактно-теоретическим построениям, последовательным, но отвлеченным от конкретных реалий жизни, заранее составленным схемам, утопиям. Вместе с тем Берк — систематический философ. В первую очередь это проявля-

ется в целостности и постоянстве его философских взглядов. Главная же идея предметная область исторического и социально-политического познания — это живые люди со всеми их достоинствами и недостатками. Рассматривать их следует непредвзято, без предварительных наметок и обобщений.

Отсюда Берк выводит следующую идею — о сочетании жизненных обстоятельств и глубочайших мыслительных установок, убеждений. Она составляет суть его учения о полном, конкретно-личном познании человека. Это учение, в подражание Цицерону, любимейшему автору Берка, он называл иногда *sapientia*, а чаще всего *prudencia*, мудрость. У греков то же самое именовалось словом *φρονοιῆ* — знание, пред-видение (пред-мышление), *рассудительность*. Последнее значение — наиболее употребляемое у Берка.

В «Письме к монсеньору Дюпону, писанное в октябре 1789 г.» Берк рассуждает о пруденции так: «Пруденция (добродетель во всем, а в политике — первейшая среди добродетелей) скорее приведет нас к принятию готового замысла, не имеющего ничего общего с абсолютным совершенством отвлеченной идеи, которую затем меняют на новую, еще более совершенную; от такой замены все здание общественного благополучия разлетается на части» [19, р. 38]. В этом плане «правила и определения пруденции редко когда бывают четкими, а всеобщими — никогда» [19, р. 35]. Человек, по Берку, не имеет никакого «права» на то, что неразумно, не идет ему на пользу [19, р. 39].

Берк далек от понимания пруденции-рассудительности как жалкой корысти, скудоумия, своего рода учета сиюминутной выгоды, ощутимой пользы, быстро достижимых преимуществ и т.д. и т.п., хотя логика его политической полемики подчас дает основания для такого рода поверхностного вывода. Берк говорит о необходимости глубочайшего познания обстоятельств, политических событий, окружающих человека, во всей их полноте, со всеми подробностями. Все, что касается человека, не может быть второстепенным. Только после такого познания возможно применение в социальной жизни каких-бы то ни было идеалов, учений, реформ и т.п.

Многочисленные упоминания о пользе, выгоде, преимуществах давали (и дают) почву для обвинений Берка в «грубом сенсуализме», как писал Н.Г. Чернышевский об этой стороне его учения в связи с эстетикой. В целом же Чернышевский очень высоко оценивал взгляды Берка и считал его «замечательнейшим» среди английских сенсуалистов [20, с. 222]. Как справедливо отметил А.В. Гулыга: «Английские эстетики XVIII в. сопоставляли возвышенное с прекрасным и противопоставляли одно другому. Э. Берк находил между ними «разительный контраст»; возвышенное и прекрасное, по его мнению, противоречат друг другу. Заслуга Канта состояла в том, что он увидел родственность этих понятий» [21, с. 311]. Все это верно. Но верно и то, что данное различие действительно имеет серьезные основания. А их-то Берк и рассматривает в речах, памфлетах, эссе социально-политического свойства в свете учения о пруденции, конкретной, а не отвлеченной духовности человека, с философской позиции, отличной от позиции Канта. Заметим, что Чернышевский и Кант совершенно справедливо критиковали книгу Берка «Философское исследование» за отсутствие целостности в огромном многообразии представленных им фактов, связанных с жизнедеятельностью человека в самых разных областях (а не только в искусстве). Критика же Канта, считавшего недопустимым повышенный интерес к многообразию действительности, представляется мне менее удачной. И вот почему.

Берк полагал, что необходим не только и не столько созерцательный анализ, «схематизм» или «трансцендентальная аналитика чистых понятий рассудка», но и (что куда более важно!) изучение прикладных последствий знания о человеке в самых разных областях его жизнедеятельности, а не только в эстетике. Он рассмотрел конкретные реалии, применил идеи эстетики к истории, истории религии, культуры, искусства, политики и т.д. Другими словами, Берк, в отличие от Канта, стремился к большей открытости исследования, постоянному выходу за рамки внутреннего контекста теории⁵. Берк показал, что образцы

⁵ Кант в «Критике способности суждения» обвиняет (и очень остро!) Берка за отсутствие исследования предварительных правил построения материала. А ведь их правомочность в познании Берк как раз и отрицал! Во многом эта критика вызвана неудовольствием гениального теоретика-систематика приведенными гениальным практиком фактами многообразия действительности, кото-

возвышенного (например, изуверство в идолопоклонстве американских индейцев как религиозное чувство, примеры высочайшей и жесточайшей одновременно политической власти) крайне редко связаны с чувством прекрасного и очень часто, почти всегда, — с чувством страха перед насилием, «Робость перед лицом власти настолько естественна и настолько прочно укоренилась в нашем сознании, что очень немногие в состоянии ее преодолеть, и то благодаря частому непосредственному общению с великими мира сего и... подавлению своих естественных наклонностей» [23, с. 97].

Именно абстрактно-теоретический подход, созерцательность в отношении к человеку, согласно Берку, и способствуют появлению в политике и социальной жизни фанатизма и жестокости. Человек при таком подходе теряет свое значение как неповторимая личность. Место человека занимает созерцательно-отстраненная и оттого чуждая ему схема. И в этом случае очень легко создать социально-политический «образ врага», так как духовность, проявляемая в отвлеченном понятии, всегда «холодна», лишена сострадания к живому человеку. Через человека действует здесь абсолютная идея, универсальное понятие⁶. Абстракция прекрасно классифицирует людей, но оставляет без внимания их личностные качества, их особенную жизнь.

Берк и французская революция: аристократ против социальной геометрии якобинцев

Об идеологах французской революции Берк писал, что они любят все человечество, но терпеть не могут живых людей. Во имя отвлеченных идеалов гуманизма, утопий уничтожаются живые конкретные люди (например, аристократия), так как им нет места в доктрине. Нельзя представить себе ничего более несносного, жестокого и безжалостного, считал Берк, чем простодушие благовоспитанного метафизика. Оно — от холодной злобы, малодушия, а не от слабости или ярости человеческой [19, р. 6].

Сам Берк верил разуму, когда видел его согласие с чувством, нравственностью, гражданственностью, благородством и религией. Только тогда можно говорить о человеке, его политической мудрости, рассудительности, т.е. пруденции. В противном случае величайшие, но общие представления о добре оборачиваются злом. Человек же не только разумен: он одержим страстями, властолюбив, его влекут слава и богатство, он руководствуется скрытым себялюбием, и все это не поддается благочестивым объяснениям с помощью разного рода абстрактных деклараций о «правах» и «добре».

Критика теории абстрактных прав человека в идеологии французского просвещения — существенная часть концепции Берка. И в связи с ней Берка часто обвиняли (и обвиняют до сих пор!) в непоследовательности. Почему, спрашивали оппоненты, и Маркс в их числе, Берк считает возможным одновременно высказываться в поддержку борьбы американцев и других народов за независимость, против всякого рода тирании и, вместе с тем, осуждать свержение владычества монарха-деспота во Франции? Нет ли тут какого подвоха — подкупа со стороны североамериканских колоний, например? Однако у Берка были следующие соображения на этот счет. И вытекают они, повторяю, из его социального учения о человеке. В любой стране, будь то Франция, Америка или Ирландия, Берк ценил и считал главным исконные, исторические традиции и нравы, присущие народам, поработанным чужеземными захватчиками. С этой точки зрения посприятие политической свободы в Америке было несомненным, несмотря на то что

рые первый не в состоянии уместить в своей уже готовой и в этом смысле весьма удобной теории [22]. Впрочем, довольно резко «трансцендентальное разъяснение» эстетических суждений, данное по поводу «физиологической» точки зрения Берка, не помешало Канту в конце концов назвать самого Берка «проницательным» человеком, «который в этом виде исследований заслуживает быть упомянутым как самый выдающийся автор...» [22, с. 288]. Вот пример истинной культуры научной критики!

⁶ В.С. Соловьев отмечал родство русской и английской философий, их интерес к жизненному, конкретным проблемам «маленького человека». Вместе с тем, он видел и родственные черты в немецкой и восточной философиях — их стремление к Абсолюту. Отвлеченный рационализм ведет к насилию, зверствам в обрядах, ритуалах, политике, вообще к одичанию и язычеству. Схожие взгляды вслед за Соловьевым высказывали В.И. Несмелое, Ф.И. Щербатской, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк.

граждане Нового Света формально-юридически пользовались теми же конституционными правами и свободами, что и жители Англии — самой свободной страны того времени. Всеми правами, за исключением права на самостоятельное и самобытное развитие собственных способностей, свободы, присущей именно им, американцам. Так же обстояло дело и в Ирландии, и в Индии, где Англия как страна-завоеватель, по мнению Берка, пыталась подменить собственными порядками, «свободами» уже сложившиеся или складывающиеся национальные начала. И делала это с помощью жестокости, и насилия.

Во Франции все было иначе. Здесь законному правительству и традиционному укладу сознательно противопоставила себя небольшая группа французов. Это были якобинцы. Они, считал Берк, как бы сами отождествили себя с иностранными завоевателями в отношении к своей стране, ее истории, культуре, всем сложившимся порядкам. Поэтому он последовательно защищал во Франции то, что защищал в британских колониях. Осуждал насилие и боролся за свободу, опасаясь, что зло, совершаемое властями за тысячи миль от дома, так или иначе, но подточит законы его родины, охраняющие права и свободы граждан.

То, что во Франции якобинцы были по происхождению французами, а не чужеземцами не имело принципиального значения. Они, считал Берк, были такими же агрессорами по отношению к своей стране, ее истории, культуре, т.е. всем сложившимся порядкам, как и Британская вест-индская компания в Индии по отношению к индийской культуре. Более того, даже с самыми французами они вели себя, как солдаты «армии завоевателей».

Поэтому, согласно Берку, цели якобинцев и американских колонистов были прямо противоположными. Американцы боролись с «деспотической властью». Якобинцы во имя равенства насаждали господство посредственности, нигилизм во имя свободы, абсолютную и безраздельную власть во имя счастья людей. Американская революция несла свободу реальным, живым людям, их обычаям и привычкам. Французских же революционеров совсем не интересовали реальные и живые современники — крестьяне, буржуа, чиновники, знать и т.п. Их более всего привлекали те человеческие создания, которых они собирались сформировать в будущем с помощью просвещения, убеждений, а если необходимо, то силой и террором.

Якобинцы, следуя концепции Руссо, сначала осуждали, а в 1791 г. и вовсе упразднили разного рода общины, гильдии, монастыри и т.п. Все это устранялось для достижения «чистой общей воли», как, впрочем, и полной индивидуальной свободы от обычаев и «предрассудков» прошлого и настоящего. Что касается семьи, то место семьи патриархальной занял «социальный контракт». Возможности для разводов были увеличены (в 1794 г. число разводов превышало число браков). Власть отцов была строго ограничена, а по достижении сыновьями определенного возраста — теряла свою силу. Законы о родовых поместьях отменялись.

Собственность стала предметом особой законодательной деятельности. Цель — полное отделение собственности от таких институтов, как семья, церковь, гильдии, монастыри. Последние, как известно, были богатейшими собственниками не только во Франции, но, пожалуй, во всей Европе. Собственность становилась более подвижной, приобретала денежную форму, т.е. все более соответствовала интересам нового класса (буржуазии), а не родовой знати.

Всякий раз, говоря о нарушении сложившегося в Европе уклада в экономике, политике, религии, философии, Берк довольно загадочно упоминал понятие «система». Он подразумевал дух якобизма, где бы тот не проявлялся. Однако Берк имел в виду и нечто большее. Речь шла о движении, одновременно социальном и духовном, «главной целью которого было искоренение аристократизма, знатности, благородства». У Берка мы видим своеобразную социальную философию, философию, отрицающую прогресс, где недавнее прошлое расценивается как отпадение от величия, под которым подразумевается средневековье. Величие ясности и полноты религиозной веры, рыцарства, университетов, гильдий, поместий, монастырей и, наконец, самое важное — величие единства и целостности убеждений.

Что касается причин французской революции, перемен, сомнений, необходимости экономических, религиозных, философских новаций по отношению к традиции, то в них Берк видел лишь нечто, похожее на дьявольские козни. По крайней мере вдумчивого, а не эмоционального анализа «позиции другой стороны» мы у Берка не встретим. Это слабое место в его философии. Мы не найдем у него разработанной программы возможных и, желательно, безболезненных социально-экономических перемен, программы соотношения допустимых новаций и утвердившихся традиций. Иными словами, в самой доктрине заложен элемент консервации («корпорация») как политических, так и социально-экономических противоречий, примирить которые без их продуктивного разрешения в дальнейшем становится все труднее. Консервация сложившегося порядка — это и консервация противоречий, к тому же взрывоопасных. Без их творческого преодоления, основанного на социально-экономических и политических преобразованиях, такая консервация чревата взрывом. Пример тому — опыт истории, например, французская революция. Опыт современности также показывает, что без учета интересов другой стороны трудно, даже невозможно рассчитывать на успех в мировой и внутренней политике.

При таких условиях новации превращаются в традиции, а традиции — в кровавый анахронизм, более опасный, чем самое смелое нововведение? При каких условиях новации не разрушают традиций? Эти вопросы Берк не только не разрешил, но даже не поставил. И в этом главный недостаток его учения о пруденции, конкретном познании, рассудительном учете всех политических реалий, стоящих перед человеком. А что могло быть конкретней событий 1789—1794 гг. во Франции, имевших такое значение в мире? А им-то и не нашлось места, именно их причины не учтены в творчестве Берка, подобно тому, как неприглядные религиозно-культурные формы идолопоклонства или деспотической власти оказались за пределами представлений Канта о «прекрасном и возвышенном».

Сам Берк в «Размышлениях о революции во Франции» писал: «Государство, не имеющее средств к преобразованиям, не имеет средств и к сохранению самого себя. Без средств такого рода оно рискует утратить даже то существенное в своей конституции, что хотело бы свято сохранить» [24, р. 285]. Средства к сохранению традиций преподнесены Берком во всей полноте и самым тщательным образом. Средства социального преобразования, увы, остались без внимания.

Человек как существо социально-историческое

Только при условиях конкретности и всесторонности подхода к изучению человека, а также с точки зрения социально-политической практики возможны, по Берку, какие-то гарантии от необдуманных, скоропалительных и, зачастую, роковых необратимых последствий. Непроверенный практически, пусть даже совершенный в теории идеал, полагал Берк, может иметь самые неожиданные последствия. А такой практикой, считает Берк, является только история.

Согласно Берку, настоящее никогда и ни в коем случае не свободно от прошлого. Он любил повторять следующее крылатое выражение: «История без политической науки бесплодна; политическая наука без истории безродна».

Чтобы развивать настоящее, надо изучать историю, видеть прошлое в настоящем. В этом смысле попытки коренной рациональной перестройки сложившегося социального порядка несостоятельны. Неверным Берк считал и то, что благополучие государства должно целиком и полностью зависеть только от единодушной поддержки, всеобщего согласия и единства людей в современности, т.е. от «общественного договора», как сказано у Ж.-Ж. Руссо. Порядок в государстве — это прежде всего итог истории, результат определенных обычаев, выходящих далеко за рамки одного поколения. Здесь с Берком нельзя не согласиться.

Если сторонники теории прогресса и рационального подхода к историческому познанию видят в настоящем лишь средство, начало для будущего, то в «истинном историческом познании» настоящее, согласно Берку, расценивается как самое недавнее

осуществление прошлого, достигнутое с помощью постоянного развития. Общество — не механическое соединение, не машина, состоящая из обособленных и взаимозаменяемых частей. Это соразмерный организм, сочлененный из взаимозависимых учреждений и их функций, рассматриваемых совокупно и с точки зрения их необходимого и необратимого развития во времени. Эти взгляды Берка особенно ярко проявились в его выступлениях против политического радикализма вообще и против конституционных реформ короля Георга III, в частности.

В основе нации, считал Берк, «лежит идея непрерывности, протяженности во времени, как, впрочем, и в пространстве, выраженная в количественном отношении. А это дело не одного дня... Это и есть та самая конституция, которая творится не случайно, а тем, что в десять тысяч раз лучше любого случая: она творится особенными обстоятельствами, причинами, нравами, установками, а также нравственными, гражданскими и общественными свойствами людей, обнаруживающимися лишь спустя длительный период времени» [24, p. 59].

Главная идея Берка — укорененность политики во времени, основное предназначение которого — отбор всего самого ценного и лучшего из дошедшего до нас и отбрасывание всего несущественного и худшего; эта идея была руководящей и в политической деятельности Берка. Отсюда его убежденность в оправданности и справедливости борьбы народов Америки, Ирландии и Индии за национальное освобождение, самобытность, право жить по сложившимся обычаям, законам. Их борьбу против британского владычества Берк тесно увязывал с долгой борьбой за свободу в самой Англии, а их свободу — со свободой Англии. Приверженность Берка к истории во всем, что касалось современности, проявлялась даже в его ошибках: он, например, совершенно безосновательно считал, что история Франции последних двух столетий вполне способствовала появлению там конституционной монархии.

Особую роль Англии в истории Берк видел и в другом. Во «Втором письме по поводу братоубийственного мира» (1796 г.) Берк пишет: «Британское государство, без всякого сомнения, таково, что в нем поощряется достижение самых разнообразных и чрезвычайно многочисленных целей, оно менее всего склонно подчинять одну цель другой или какой-то их совокупности. Оно относится с пониманием к внутренней логике человеческих устремлений, надежно защищая все то, что добыто честным трудом. Наша законодательная власть⁷ всегда была тесно связана, в своей наисущественной части, с чувством и интересом отдельной личности» [19, p. 249]⁷. Все исторические реформы, включая и английскую революцию XVII в., продолжает эту мысль Берк, выводилась англичанами как прямое продолжение «наследия предков». Поэтому сама Великая хартия — первая и древнейшая социально-политическая реформа, выдержанная в традиционном англосаксонском духе. В знаменитой «Петиции о правах», которую парламент в лице своего представителя Джона Селдена преподнес королю Карлу I, говорится: «Ваши подданные наследовали свободу... При этом отстаивались не отвлеченные положения вроде «всеобщих прав человека»; отстаивались конкретные привилегии в виде прав англичанина, полученных в наследство от отцов и дедов» [24, p. 296]. Берк противопоставлял в человеке «пред-рассудок» — «чистому разуму», основанному не на истории, а на строго дедуктивном, типа геометрического, упрощенном доказательстве социально-политического благополучия человека.

⁷ Берк специально занимался изысканиями в области английской истории. Достаточно сказать, что в 1757 г. он написал (так и неопубликованное при жизни) «Краткое изложение английской истории», в котором историческое развитие идей и институтов представлено под углом зрения применимости в социально-политической практике современности.

«Органическая» теория человека и общества.

Человек как самоуправляющееся, социальное существо

В социально-политических учениях постоянно присутствовало стремление к нравственному оправданию власти, при которой подданные рассматривались не как некая однородная масса безличных индивидов, подлежащих управлению в соответствии с рациональными требованиями отвлеченной науки. Всегда была мечта о власти, носитель которой — высокодуховная личность или небольшая группа таких личностей, управляющих непосредственно, «по совести» и в соответствии со сложившимися обычаями и устоями, в согласии и единстве всех членов общества. Носителями и продолжателями подобной традиции консерваторы считают себя, а Берка — самым значительным ее представителем.

Берк полагал, что сложное социально-политическое целое, каким является общество, не может быть описано только при помощи экономики или демографии, или — как мы говорим сегодня — «технократически». Именно акцент на социально-культурной, исторической тематике и отличает «органическое общество», с его традициями, обычаями, преданиями, нравами, интересами людей, от простого скопления народа или плохо управляемого государства. В этом положении, несомненно, главная мысль Берка. «Благосостояние есть нравственный, а не физический показатель», — писал Берк [19, с. 50].

Правительство, управляющее обществом, человеком, может (и должно) быть любым, но при одном неизменном условии. Всякое управление, согласно Берку, следует считать плодотворным только тогда, когда оно имеет возможность оперативно отражать, учитывать и своевременно претворять в жизнь интересы (часто противоположные) множества разных людей, принадлежащих к различным слоям общества. Оценка непохожих точек зрения, а не устранение их носителей должна вестись постоянно, не от случая к случаю. Именно здесь гарантия успеха в политических делах. Это норма, обязанность, а не заслуга политического управления. Всякое иное (кроме нравственного, с его вниманием к жизни человека) руководство должно внушать тревогу. Поэтому, пишет Берк, «простые правительства изначально несовершенны» [24, р. 328].

Первенство порядка и властей при рассмотрении Берком проблем управления, прав и свобод человека очевидно. Единственная свобода, о которой я знаю, писал он в «Размышлениях...», это свобода, связанная с порядком. Свобода не существует независимо от порядка и чести. Свобода, считал Берк, следуя феодальному праву, — это прежде всего право отдельной общины на должное самоуправление.

Проповедуемые во французском просвещении свободы, по мнению Берка, — это свободы от ограничений, налагаемых добродетелями на страстную и переменчивую природу человека. Он противопоставил этим взглядам «социальную свободу», при которой свобода связывается с равенством всех в определенных ограничениях, идущих и от общества, и от самодисциплины гражданина. Другими словами, человек развивается из естественного, природного состояния в состояние социальное не потому, что это ему полезно, удобно, целесообразно или соответствует законам природы, общества. Напротив, именно в гражданском обществе, социальном состоянии проявляется в полной мере естество человека: здесь он живет свободно по сложившимся в веках обычаям.

Находясь 30 лет в оппозиции, Берк считал институт оппозиции неотъемлемой и необходимой частью и проявлением «социальной свободы», условием благополучия человека и общества. Это юридическая гарантия пруденции — многообразии мнений и выбор плодотворнейшего. В оппозиции Берк боролся с нарушениями законов теми, кто стоял у власти, независимо от того, имели такие нарушения место в Англии или за ее пределами. Это особенно наглядно проявилось в его выступлениях против колониальной политики Георга III и его кабинета министров, против злоупотреблений английских чиновников в Индии (так называемое дело Гастингса).

В «Письме к шерифам Бристоля» (1777 г.) Берк называет главным основанием человеческого общежития, устраивающим в конце концов все трудности и противоречия

и примиряющим враждебные стороны, «чистосердечное доверие»⁸ граждан друг к другу, к родной отчизне. «Счастливы правители, познавшие тайну, как сберечь это доверие!», — восклицает Берк [24, р. 203]. А разгадка, полагает он в одном из писем, в том, что «людей не привяжешь друг к другу бумагами и печатями. Они сблизятся вследствие имеющегося между ними сходства, соответствий, приязни. Это так же применимо к целым народам, как и к отдельным лицам. Ничто более не укрепляет дружбу между народами, как взаимное соответствие законов, обычаев, образа жизни, привычек — они сильнее любых договоров. Эти обязательства сблизят людей иногда вопреки их намерениям, хотя могут быть совершенно неосознанными» [19, р. 102].

В «Размышлениях о причине современных волнений» Берк пишет: «Нации, в основном, управляются не только законами, еще менее — с помощью насилия. Какими бы могущественными ни предполагались сила и управление, однако действие их только служебно» [19, р. 83]. Правительство, т.е. высшая власть, согласно Берку, обязано удовлетворять насущные потребности своего времени, разнообразие нравов, образы мыслей и жизни своих граждан и только изредка прибегать к насилию для подчинения людей своим законам. «Что касается человечества, то для него не представляют интереса никакие установления и теории, если оно счастливо; и вернейшим показателем плохого управления государством как раз и является повышенное внимание его граждан к такого рода теориям» [24, р. 200].

Очень важным в консерватизме Берка стало положение о собственности — предмете особой заботы властей. Именно собственность обеспечивает свободу и независимость человека, чтобы снова создавать, сохранять и защищать частную или семейную собственность. При этом в нее включаются не только материальные средства производства, движимость и недвижимость, но и необходимые духовные основы — убеждения, привычки, принципы, верования, наконец, сам процесс познания человеком самого себя и окружающего мира. Этот вечный цикл — начало и исход право и обязанность, а вернее — главное служение,⁹ смысл жизни, награда и призвание человека. Не награда за труд, а труд как награда.

Существенным в своей концепции Берк, несомненно, считал и принцип *laissez-faire*, и принцип децентрализации. Власти, самоуправление и собственность не только взаимосвязаны, но и святы. Всякое зло — тирания, беспорядки, пороки — возникает только тогда, когда имеет место чрезмерное влияние, наложение полномочий одной области на другую. Безграничное правление и связанные с ним издержки во Франции были следствием несообразного вмешательства верховной власти революционного государства в частную жизнь (собственность) граждан, их семей, церковную, муниципальную жизнь и т.д. Главное — избегать вмешательства в экономику, социальную сферу, мораль и в то же время всячески способствовать усилению и развитию семьи, собственности, добрососедских отношений между людьми, объединений всякого рода. С этим согласны и Берк, и современные его последователи. Однако возникает вопрос: «Как „способствовать“, не „вмешиваясь“?» В современном консерватизме он пока остается без ответа,

⁸ Ср. понятие «согласие» у М. Вебера и у Х. Ортега-и-Гассет [25; 26].

⁹ Так же определяет человека и Т. Гоббс. Он, по Гоббсу, прежде «себя «доверитель» или, что то же самое, «собственник», причем не только имущества, но и (что самое важное) собственник своих слов и действий, осознанно признающий их своими [27, с. 186—187]. Это известное правило протестантизма свойственно и неоконсерваторам. «Принцип «это — мое» необходим для обеспечения, утверждения неприкосновенности человеческой личности, жизни человека на земле. Это — первый шаг в развитии цивилизации» [6, р. 56]. Консерватизм Э. Берка иногда почитается созвучным взглядам Ф.М. Достоевского о запечатленной в сердцах, а не на бумаге истинной духовной основе («конституции людей»). Отмечается, что Достоевский «глубоко верил в исторический, неизменный и святой жизненный стержень («конституцию»), неотделимую от России. Выраженное им суровое осуждение западных идеалов продолжается и остается неизменным до сих пор» [6, р. 27]. Однако главное отличие Берка от Достоевского состоит в другом. Следует говорить о чтимом Достоевским «нестяжательстве» в духе Николая Сорского, который, в отличие от своего оппонента Иосифа Волоцкого (и, соответственно, Берка), ярко проповедовал отказ от строгого и необходимого увязывания свободы и независимости человека с его собственностью, как единственной гарантией и свободы, и независимости, и указывал на высокую степень самодостаточности, автономности духовной жизни человека: «Свободный Дух дышит, где хочет».

поскольку сами неоконсерваторы просто-напросто указывают на наличие внутри идеологии консерватизма (неоконсерватизма) двух взаимоисключающих направлений. Согласно первому, идущему от Гоббса, изначально порочная натура человека должна быть сдерживаема сильной властью государства. Согласно второму (Берк), сильное государство не должно подавлять предприимчивость человека. Подобное противоречие, по мнению Н. Бэрри, «приводит некоторых консерваторов к разрушительному выводу об отсутствии в консерватизме приемлемой теории свободных, но допустимых действий человека» [7, р. 90; см. также: 28; 13]. Сам Бэрри пытается снять это противоречие, ссылаясь на теорию «органического» общества Берка, не указывая, впрочем, как это можно применить к современным социально-политическим реальностям.

В таком качестве консерватизм превращается в то самое отвлеченное, «утопическое» доктринерство якобинцев, против которого так страстно выступал Берк, выдвигая учение о пруденции — конкретном социально-политическом познании, а сейчас — М. Оэксшотт, Р. Нисбет и многие другие неоконсерваторы. Это неслучайно, так как обычно под сохранением, «консервацией» интересов «всех», духовного и материального наследия истории и творчества современности имеется в виду «консервация» творчества «некоторых» — чаще всего правящей группы, а не со-творчество всех людей. В то же время любой отказ в творчестве хотя бы одному есть насилие по отношению к творчеству всех. Всякая попытка решения сложных вопросов общества с помощью конфликта, силы — это разрушение возможностей созидания. Одно исключает другое, и третьего не дано. Рассматривать человека как высшую ценность, т.е. нравственно — значит поощрять во всех гражданах общества свободное стремление к творчеству и в социально-политической и в личной жизни, утверждать и изучать социально-активные, а не пассивные начала в человеке. Утверждать не только наследие прошлого, но и творчески развивать новые знания.

Об издержках корпоратизма

Выше уже говорилось о неразработанности средств социального преобразования в творчестве Берка и у неоконсерваторов. История здесь — сохранение уже достигнутого, а не творчество нового социально-политического порядка. Прерывается развитие, а значит, и преемственность, история. Такая история односторонняя, так как целиком ретроспективна¹⁰.

Основатель консерватизма и его последователи настоятельно требуют изучать возможности отдельного факта и социально-политической идеи в интересах человека, конкретного знания [34]. Вместе с тем из их поля зрения ускользает следующий вопрос: а не стала ли социальная революция как проявление политического радикализма в странах, не имеющих опыта социальных реформ, накоплением такого рода опыта, средством устранения исторически несостоятельных идей и политических организаций, препятствующих экономическим и духовно-нравственным интересам человека? Способствует ли явно гипертрофированный интерес к «средствам социального сохранения» в ущерб «средствам социального преобразования» (а такой перекося в идеологии консерватизма в виде «корпоратизма» совершенно очевиден), способствует ли эта «политическая пассивность» по отношению к будущему органичному, живому контакту с историей, с ее противоречивой динамикой, борьбой за лучшее с худшим, борьбой за человека? Согласуется ли пассивность, выжидательная позиция властей как определенный институциональный социально-политический принцип с той самой «идеей непрерывности», о которой так страстно писал Э. Берк? Скорее всего, нет. Более того, в этой пассивности — одна из причин идеологических, политических и экономических неудач и просчетов любого «корпоратора» — и зарубежного, и отечественного. Здесь кончается консерватизм как сохранение исторически значимых ценностей и достижений. И вот почему.

¹⁰ Это же имел в виду К. Манигейм, который писал, что для того, чтобы смотреть на мир глазами консерватора, необходимо считать современные события производными от обстоятельств и ситуаций прошлого. То же утверждают и другие крупнейшие фигуры в неоконсерватизме Р. Нисбет [6], И. Кристалл [29; 30] в США, Р. Скратон [31] и М. Оэксшотт [12] в Англии.

Ценности, по словам великого немецкого гуманиста В. фон Гумбольдта, т.е. то, «что является плодом духа и образа мыслей, — наука, искусство, нравственные институты, — теряют духовность и становятся материей, если дух все время не оживляет... Все это связано с природой мысли, которая может быть сохранена, только будучи мыслима»¹¹ [32, с. 299—300]. Как справедливо полагал Гумбольдт, то, что каждое поколение извлекает из результатов деятельности всех предыдущих поколений, само по себе еще не может служить ни доказательством его силы, ни даже материалом, формирующим силу. Гумбольдт призывал исследователей обращаться к творческим силам всемирной истории. Действительно, духовное достояние может сохраняться только в творчестве, которое и есть величайшая ценность.

В консерватизме же в виде корпоратизма готовому знанию отдается предпочтение перед знанием, которое еще появится, результатам творчества, а не самому творчеству. Короче, «пусть все меняется, но так, чтобы все оставалось по-старому». Однако противопоставление в познании двух его взаимозависимых сторон — фундаментальных и прикладных исследований — чревато не только упущениями мировоззренческого порядка.

Просчеты в познании приводят к конкретным социально-политическим упущениям в области внутренней политики, в международной жизни. Имеется в виду следующее: консерваторы предпочитают понятное непонятному. Вроде все так, все верно — это свойственно любому человеку. Но одно дело, чтобы стремиться всякое непонятное преобразовать в понятное, другое, когда непонятное (а значит, и творчество) отвергается с порога как опасное для «традиции», не превращается, не преобразовывается в «традицию», а отрицается и даже уничтожается. Здесь уже, как показывает политическая жизнь современного общества, недалеко и до уничтожения не только «неудобных» ценностей, но и людей и народов, до насилия, военных агрессий во славу «идейных интересов», «насуточных жизненных потребностей», культуры, тех же исторических традиций, экономики, религии, нации, союзников, мирового сообщества — поводов для оправдания «братоубийства» может быть сколько угодно. Кстати, сам Берк страстно призывал к защите традиционного социального порядка вооруженными средствами «контрреволюции», незамедлительной консолидации всех сил перед лицом якобинства. Он говорил: «Если я правильно понимаю, то это не война с Францией; это война с якобинством. Мы воюем с принципом... и нельзя отсидеться в крепости» [Цит. по: 6, р. 11]. Автору, осуждавшему абстракции и призывавшему обратить внимание на живого человека в истории и политике, наконец, опытному государственному деятелю вряд ли простительно незнание того, что с принципом воевать невозможно. Борьба с принципами всегда сводилась к убийству обыкновенных людей. Ложные принципы умирают сами и влекут к смерти своих сторонников, истинные же принципы живут в веках наперекор всему. Дело консерватизма, обращенного к человеку, превратить в традицию¹², сохранить и развить принципы жизни. А суть их, вкратце, такова: человек — это творец, созидатель, свободно, сознательно и нравственно (не в ущерб себе и другим) разрабатывающий творческую мысль разума, новое знание, новое умение, новый опыт (в том числе и социальный) на практике и считающий это стремление бесспорной и величайшей ценностью в своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Constant B.* Cours de politique constitutionnelle P., 1872. Т. II. P. 539.
2. *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1889. С. 17.
3. *Франк С.Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. N 4. С. 221—222.
4. Социол. исслед. 1990. N 9. С. 29—30.
5. *Schumann H.-G.* Konservatismus als analytischer Strukturbegriff Konservatismus — eine Gefahr für die Freiheit? München—Zürich, 1983. S. 13—25.
6. *Nisbet R.* Conservatism: dream and reality. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1986. P. VIII.
7. *Barry N.P.* The new right. L., 1987. P. 93—95.
8. *Ingle S.* The British party system. Oxford—N.Y., 1987. P. 23.
9. The wisdom of conservatism. N.Y., 1971. Vol. I—IV.

¹¹ Сходные взгляды выражал русский философ С.Л. Франк [33].

¹² О Берке и роли традиции в консерватизме см. [35; 36]. О полисемии понятия «консерватизм» см. [37].

10. США: консервативная война. М.: Прогресс 1984. С. 28.
11. *Scruton R.* A dictionary of political thought. L., 1982.
12. *Oakeshott M.* Rationalism in politics and other essays. Totowa, 1983.
13. *Reeves R.* The Reagan detour. N.Y., 1985.
14. *Young P.D.* God's bullies: native reflections on preachers and politics. N.Y., 1982.
15. *Krieger J.* Reagan, Thatcher and the politics of decline. Cambridge, 1986.
16. *Маркс К.* Традиционная английская политика // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 606—609.
17. *Маркс К.* Вопрос о турецкой войне // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 180—191.
18. *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
19. The philosophy of Edmund Burke: A selection from his speeches and writings. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1960.
20. *Чернышевский Н.Г.* Избр. филос. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Т. 1.
21. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986.
22. *Кант И.* Соч. в 6-и тт. М.: Мысль, 1964. Т. 5. С. 144—288.
23. *Берк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М.: Искусство, 1979.
24. Edmund Burke on government, politics and society / Selected and ed. by B.W. Hill. L. — Glasgow: The Harvester press, 1975.
25. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. филос.* 1989. N 3. С. 119—154; N 4. С. 114—154.
26. *Гайденко П.П.* Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс» // *Вопр. филос.* 1989. N 3. С. 155—169.
27. *Гоббс Т.* Избр. произв. в 2-х тт. М.: Мысль, 1965. Т. 2.
28. *Loney M.* The politics of greed: a new right and the welfare state. L., 1986.
29. *Kristol I.* On the democratic idea in America. N.Y., 1973.
30. *Kristol I.* The two cheers for capitalism. N.Y., 1978.
31. *Scruton R.* The meaning of conservatism. L., 1980.
32. *Гумбольдт В.фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1986.
33. *Франк С.Л.* О задачах обобщающей социальной науки // *Социол. исслед.* 1990. N 9. С. 30—49.
34. *Cowell Ch.* The redefinition of conservatism: politics and doctrine. N.Y.: St. Martin's press, 1986.
35. *Hampsher-Monk I.* The political philosophy of E. Burke. L.—N.Y., 1987.
36. *Entreves M. P. de.* Aristotle or Burke? // *Praxis international.* Oxford. 1988. Vol. 7. N. 3. P. 238—245.
37. *Janik A.* Style, politics and the future of philosophy. Dordrecht etc.: Kluwer, 1989, P. 40—58.

Эдмунд Берк опубликовал свои «Размышления о революции во Франции»¹ в 1790 г., в период, когда революция находилась в умеренной, либеральной фазе. Поводом к написанию книги послужило то обстоятельство, что «Общество революции» в Лондоне, ежегодно отмечавшее 4 ноября годовщину «славной революции» 1688 г., решило направить в 1789 г. приветствие Национальному учредительному собранию в Париже, оценивая его деятельность как торжество дела свободы в мире. Негодование Берка — вольнодумца и врага деспотизма — вызвала сама попытка поставить на одну доску столь различные революции и введенные ими конституции: «начертанную в сердцах» английскую конституцию 1688 г., вобравшую «Хартию вольностей» и многовековые традиции английских свобод и соответствующую духу протестантизма, и «Декларацию прав человека и гражданина», по его мнению, разрушительную и атеистическую, созданную людьми без практического социального опыта, теоретиками, исходившими из ошибочных и произвольных абстракций, а не исторических традиций.

Книга Берка написана по законам широко распространенного в его время эпистолярного жанра (названия глав, частей, разного рода подзаголовки — инициатива современных издателей) и составляет как бы одно большое письмо-«опрос». Условно его можно назвать «косвенным анкетированием», при котором ответы «респондента» строятся на раскрытии ранее заданных и как бы подразумеваемых вопросов. Ответы даются в соответствии с «логикой ситуации» — появлением тех социальных фактов и событий, с экспертной оценкой которых и выступает «респондент». Именно так Берк и строит свои «социологические» наблюдения, изучая, а затем обобщая социальный опыт французской революции, критику и продуктивные, по его мнению, решения.

¹ Перевод осуществлен по книге *Burke E.* Reflections on the revolution in France. N.Y.: The liberal arts press, 1955.

У другого знаменитого англичанина — Энтони Эшли Кулера, лорда Шефтсбери (1671—1713) есть эстетический трактат под названием «Солилоквия», что означает «диалог в душе человека». И это не метафора. Шефтсбери приводит реалистическое, откровенное понимание человека — опыт общения с раздражавшими его религиозными фанатиками не давал оснований идеализировать природу человека. У Берка «Солилоквия» несколько иного рода — социальная, однако источником ее послужил фанатизм якобинцев. Не случайно Берк полагал, что именно идеализм является основанием насилия, поскольку содержит стремление приспособить реальную жизнь к отвлеченной схеме, «социальной геометрии». Как писал русский современник Берка М.М. Сперанский, происходит жестокая практика высочайшего приспособления человека к правлению, а не правления к человеку, значительно позднее П.И. Новгородцев назовет это насилием над человеком во имя отвлеченного «общественного идеала».

Можно по-разному относиться к творчеству Берка — едва ли серьезна его теория «заговора» и рассмотрение революции как дело рук «писак», злонамеренно преувеличивающих пороки знати, церкви, чиновничества и к тому же «оплаченных» богатыми собственниками, завидовавшими статусу и престижу родовитой дворянской знати. Все, конечно, было гораздо серьезнее. Главная идея Берка, заслуживающая внимания социологов, состоит в том, что хорошее от худого надо отличать по самой социальной действительности, по ее «делам», а не по заверениям и самооценкам людей, вовлеченных в ход событий и так или иначе заинтересованных, пристрастных свидетелей.

*Введение к публикации и примечания подготовил
В.И. ШАМШУРИН*